

**SPRINKLER
FIRE-ALARM**
WHEN BELL RINGS
CALL
FIRE DEPT. or POLICE

**AUTOMATIC SPRINKLER
SHUT OFF VALVE
14 FEET
OPPOSITE THIS SIGN**

**SPRINKLERS
THROUGHOUT
BUILDING**

**SIAMESE
CONNECTION
FOR FIRE DEPT.**

Содержание

ПРЕДИСЛОВИЕ	8
БЫТЬ ИЛИ НЕ БЫТЬ БЭНКСИ?	14
БЭНКСИ, ПОРТРЕТ ХУДОЖНИКА	18
ЛЕТУЧИЕ МЫШИ, ОБЕЗЬЯНЫ И ДРУГИЕ НЕОБЫЧНЫЕ СУЩЕСТВА	30
ПОЛИТИЧЕСКАЯ И СОЦИАЛЬНАЯ АНГАЖИРОВАННОСТЬ, ДЕЛО ВСЕЙ ЖИЗНИ.	80
ЛЮБОВЬ И МИР, НАДЕЖДЫ И МЕЧТЫ, АНГЕЛЫ И ДЕМОНЫ	146
ИСКУССТВО И ИМПРОВИЗАЦИЯ	170
«ОТЕЛЬ ЗА СТЕНОЙ» И НАДЕЖДА НА ЛУЧШЕЕ БУДУЩЕЕ .	210
ЭПИЛОГ	234

ПРЕДИСЛОВИЕ

Джон Брэндлер

Так кто же такой этот Бэнкси? Вообще-то вопрос нужно ставить по-другому. Гораздо важнее ответить на вопрос: «Что такое Бэнкси?» — потому что он, подобно Алому Первоцвету¹, прячется на глазах у всех. И это не маркетинговая уловка, не рекламный трюк; это способ, с помощью которого Бэнкси может ходить по улице, разговаривать с людьми и выслушивать честные мнения и ответы, не опасаясь неискренности, не ожидая, что собеседник подумает: «Нужно осторожнее выбирать слова, ведь это известный художник».

Мне приходилось бывать на многочисленных выставках в музеях и галереях, и я видел, как люди разговаривают с художником, зная, кто он такой, рассказывают, какой он замечательный, как прекрасны его произведения, и при этом выпивают все напитки, съедают все закуски и уходят домой, ничего не купив. Они не выражают честного мнения о творчестве художника — они притворно хвалят его в обмен на приглашение на выставку, еду и напитки. Настоящий же художник хочет узнать ваше искреннее мнение о своих работах, но мало кто им делится из страха обидеть собеседника.

Банальность — это гораздо большее оскорбление, чем честная критика, какой бы суровой она ни была.

---

¹ Алый Первоцвет — главный герой одноименного романа британской писательницы Эммы Орци, опубликованного в 1905 году. Книга повествует о британском аристократе и роялисте, который борется с Французской революцией, прикрываясь образом изнеженного денди. Алый Первоцвет — его псевдоним, выбранный для подпольной деятельности. *Прим. ред.*

4–5 Лондонское граффити работы Бэнкси; знаковая крыса и рука человека, показывающего средний палец из-под ковра.

Поэтому для Бэнкси так важны вопросы и «Кто такой Бэнкси?», и «Что такое Бэнкси?», и «Почему Бэнкси это Бэнкси?». Бэнкси понимает, что его творчество важнее, чем он сам как личность, важнее того, черный он или белый, высокий или низкий, смелый, добрый или недобрый. Его работы — это и есть его настоящие слова, они совершенно недвусмысленно говорят о том, каких принципов придерживается Бэнкси. Возможно, именно поэтому такому большому количеству людей нравятся его жесткие высказывания, которые Бэнкси делает всеобщим достоянием.

Бэнкси уважает свое культурное наследие и любит свою страну, но терпеть не может глупцов, поэтому в работе CCTV Britannia («Британия видеонаблюдения») он изобразил Британию в виде сидящей на троне женщины со щитом, возле которой лежит лев — образ, восходящий к римским временам, — но рядом также возвышается столб с шипами и камерами видеонаблюдения, с помощью которых осуществляется контроль над обществом. Работа Flying Copper («Летающий полицейский») и множество других произведений на подобную тематику высмеивают роль полиции в обществе. Еще более язвительный взгляд Бэнкси на парламент чувствуется в картине Devolved Parliament («Деградировавший парламент / Парламент с делегированными полномочиями»), которая была выставлена в Бристоле в 2009 году и недавно продана за 10 миллионов фунтов стерлингов (12,2 миллиона долларов). Изображение самой палаты общин вполне традиционно, но образы парламентариев обеих сторон вряд ли отражают взгляды человека, уважающего политиков и их деятельность. Его тонкость восприятия проscalaзывает в рисунке с девочкой и улетающим

6–7 Обезьяна, наносящая на стену узор; работа, обыгрывающая граффити Go Flock Yourself («Объедините сами себя»), представленное на мероприятии Cans Festival в 2008 году в Лондоне; глаза говорят сами за себя.

от нее воздушным шариком. Бэнкси не чувствует потребности заполнять пустоту между ними ненужной краской, как это видно и в работе ко Дню святого Валентина 2020 года, на которой девушка стреляет из рогатки цветами по стене дома в Бристоле. Работа не была подписана, но, когда меня через несколько часов после ее появления представители мировой прессы спросили, подлинный ли это Бэнкси, я ответил утвердительно. Мастерство заключается не в изображении девушки и даже не в изображении трехмерных цветов; мастерство — в напряжении, существующем между двумя этими элементами, несмотря на разделяющие их 8–10 метров.

Зрители, разглядывающие эту коллекцию работ, безошибочно определяют интересующие художника темы. *Season's Greetings* («Сезонные поздравления») говорит о глобальном загрязнении и о том, что люди не берегут планету; многочисленные работы с крысами смягчают суровость многих его политических комментариев, что делает их более привлекательными и легко воспринимаемыми. Возможно, образы крыс — это также дань уважения «дедушке» уличного искусства Блеку ле Рату, положившему начало движению стрит-арта в Париже. Бэнкси взял то, что считалось преступлением, незаконным актом вандализма, и превратил в форму высокого искусства, произведения которого оцениваются в финансовом отношении едва ли не на уровне Рембрандта. Последний из известных автопортретов Бэнкси, находящийся ныне в частном владении, был продан за 14,5 миллионов фунтов стерлингов (18,7 миллионов долларов), а *Devolved Parliament*, как уже было сказано, — за 10 миллионов фунтов стерлингов (12,2 миллиона долларов). Триптих с выставки *Crude Oil*, на котором изображены выброшенные морем спасательные жилеты, ушел за 2,2 миллиона фунтов стерлингов (2,9 миллиона долларов).

Я нахожу странным, что если картина считается написанной Бэнкси, то ее хвалят и защищают, в то время как не менее привлекательные произведения искусства, созданные другими талантливыми художниками, не имеющими

10–11 «В случае развода разрезать здесь»: насколько проникновенным может стать изображение девочки с воздушным шаром; два отдельных образа сливаются в один.

славы и богатства, смываются со стен водяными струями.

Кому же принадлежит произведение искусства? Художнику, потому что он его создал, владельцу здания, стена которого «подверглась вандализму», или нам с вами, зрителям, наслаждающимся работой художника?

Именно эта проблема побудила Бэнкси отказаться от проверки подлинности произведений стрит-арта, чтобы не поощрять их удаление или последующую продажу. Стратегия работает не на все сто процентов. Однажды я купил и переместил (в пределах города) *Season's Greetings* («Сезонные поздравления»), после того как в течение нескольких часов после появления этой работы ее попытались уничтожить вандалы. Мне известно, что по крайней мере одна работа из палестинского цикла скрывается на нью-йоркском складе, за тысячи миль от места своего создания. Что лучше для произведения стрит-арта — постепенно тускнеть от воздействия стихий и в итоге погибнуть или храниться в защищенном от порчи месте? Если переместить такую работу в галерею или музей, будет ли она по-прежнему считаться «уличным искусством»? Уменьшается ли ценность произведения от того, что его перемещают и вырывают из контекста?

В этой книге вы увидите множество произведений, выполненных в различных стилях и на различные темы, но, пожалуй, самые мои любимые — это небольшая группа работ с изображением крыс, выполняющих разные забавные действия, например прыгающих с парашютом. Обожаю изображение крысы, которую запускают из ложки-катапульты. В этой работе ощущаются тонкость восприятия и умение передать комизм ситуации.

Недавно меня попросили охарактеризовать Бэнкси, и я описал его как шеф-повара. Он взял за основу давно устоявшуюся технику трафаретов — все делали их в детстве, — добавил скорость Блека де Рата, щепотку своего уникального стиля, юмора, политических комментариев и превратил незаконный акт нанесения ущерба в высокую форму искусства. Bravo!

12–13 «Ярость, метатель цветов»: один из знаковых трафаретов на тему мира на Западном берегу основан на истории парижских беспорядков, перерастающих в любовь.

IN THE EVENT OF DIVORCE CUT HERE

30/1/02

БЫТЬ ИЛИ НЕ БЫТЬ БЭНКСИ?

Алессандра Маттанца

Невозможно остановить ветер. Иногда это зефир или легкий бриз; иногда шторм или порыв, даже циклон, а если это ветер под именем «Бэнкси», то он несет послание нам всем.

Такэси Канэсиро: «Зови меня просто ветер».

Чжан Цзыи: «Ветер?»

Такэси Канэсиро: «Я брожу повсюду один, прихожу и ухожу без следа».

Чжан Цзыи: «Как беззаботный ветер?»

Такэси Канэсиро: «Нет, как игривый ветерок».

Так беседуют между собой влюбленные персонажи фильма «Дом летающих кинжалов» Чжана Имоу.

Ветер остановить невозможно. Да, бывают разные виды ветров, особенно когда главную роль играют любовь и эмоции, страсть к своему делу и активизм. Нельзя остановить ветер. И все же, когда идеи начинают носиться в воздухе подобно ветру, они становятся сильными и мощными; выраженные в трафарете или в словах на стене, они оставляют поражающие душу и сердце послания и чувства. Для меня Бэнкси всегда был подобен ветру.

Как писатель, путешественник и фотограф стрит-арта, я начала сближаться с Бэнкси и его искусством в самом начале его карьерного пути. Этот вид искусства, по сути, всегда сопровождал меня в путешествиях, в долгих часах, проведенных на улицах в ожидании нужного момента и в поисках идеального света, но у улицы была собственная душа. Это была жизнь, особый микромир внутри бытия. Оживляющие какой-нибудь серый городской уголок надписи или граффити всегда

оказывались неожиданностью. Фотографируя их, я познакомилась и подружилась с некоторыми уличными художниками. Каждый из них обладал бунтарским и необычным духом, уникальным и очень личным взглядом на мир, богемным безразличием ко всем институтам и правилам. Эти художники пробуждали эмоции, вдохновляли, заставляли улыбаться над какими-нибудь фразой, персонажем, сценой. Они заставляли влюбляться в них и в их искусство. Они напоминали мне о *poètes maudits*, «проклятых поэтах», таких как Поль Верлен, Артюр Рембо, Шарль Бодлер, чьи стихи я так любила за дикую страсть, отчаянную душу и смелость; они напоминали мне и о других поэтах, таких как Лотреамон, Алиса де Шамбрё; за пределами Франции — об Америке 1920-х годов, о Харте Крейне. Некоторые строки и арабески слов эхом отдавались у меня в ушах. Я ощущала музыкальную смесь джазовой импровизации бит-поколения 1950-х годов — Джека Керуака, Люсьена Карра, Аллена Гинзберга, Уильяма Берроуза, Нила Кэссиди, Лоуренса Ферлингетти, Нормана Мейлера. Я вновь переживала тот восторг, что ощущала от новаторских произведений «бит-богини» Рут Вайс, выступления которой сопровождалась игрой джазовых музыкантов на саксофоне и других инструментах; восторг от некоторых ритмов хип-хопа, новой уличной музыки гетто, изобилующей гневной и агрессивной поэзией, преисполненной бунтарства и пропитанной стремлением к искуплению.

Граффити, цветные надписи, муралы, даже некоторые фотографии, приклеенные на стены импровизированным клеем, плакаты,

16–17 Работа с Sans Festival 2008. Закрасили бы древние власти пещерные рисунки, если бы обладали современными технологиями?

порванные и превращенные в коллажи, оружие таких персонажей, как Poster Boy в современном Бруклине, — все это очаровывало меня, потому что я тоже была частью улицы, с камерой на шее, похожая на многих бродяг и искателей приключений, которых я встречала. Там были люди, но помимо людей были и в равной степени примечательные собаки, которые подходили обнюхать меня; кошки, которые садились мне на ногу или на колени помурлыкать; множество голубей и прочих птиц, с любопытством поглядывавших на меня с карнизов зданий; несколько ос или надоедливых пчел, похожих на не ведающих пощады мух; бабочки, случайно опускавшиеся мне на руку. Были еще дети, игравшие в скверах или на углах улиц; одинокие старики, глядящие в бесконечность, сидя на стуле у входной двери; читавшая любовное письмо на скамейке огорченная возлюбленная со стекающими по щекам слезами; бездомные, спавшие на тротуаре или на углах зданий; мужчины и женщины, деловито спешившие по своим делам, не глядя никому в лицо, как будто они — хранители времени; мальчишки, гонявшиеся друг за другом на общественной баскетбольной площадке; потом снова уличные художники, с баллонами в руках, а один с бумажным или деревянным трафаретом, на скейтборде, в камуфляжной одежде, ловко маскирующиеся под окружающую среду. Бэнкси был иным. С самого начала его

работы отличались от работ любого другого художника; он выделялся и быстро привлекал внимание. Его послания звучали громко, как крик ребенка в толпе, как разорвавшаяся в небе бомба. Часто эти послания несли политический смысл, обычно вдохновляя на мечты и надежду.

Эта книга — не список произведений Бэнкси для каталога его выставки, не попытка оценить его творчество; она лишь призвана описать его путь и взгляд на мир, поведать его историю. Великий актер и режиссер Роберт Редфорд — настоящий художник и человек, всегда вызывавший у меня восхищение, который, как и Бэнкси, всегда в глубине души был аутсайдером, — сказал: «Я верю в силу историй». Бэнкси удалось рассказать одну из лучших историй в мире — историю человека, который в одиночку бросил вызов миру, став, сам того не подозревая, героическим представителем движения, изменившего образ мышления. В этой книге я предпочла поставить себя на место наблюдателя, одного из многих прохожих, любующихся его произведениями искусства на улице. Надеюсь, Бэнкси это оценит. Я хотела написать эту книгу во имя искусства, поскольку следила за Бэнкси с тех пор, как он был неизвестным художником. Я бы полюбила его в любом случае, даже если бы он не стал таким известным и влиятельным, как сейчас. Это была настоящая любовь с первого взгляда.